

**Салтыков-Щедрин Михаил
Евграфович**

**Господа ташкентцы:
Картины нравов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Евграфович С.**
Господа ташкентцы: Картины нравов / Салтыков-Щедрин Михаил Евграфо-
вич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 325 с.

ISBN 978-5-519-84498-7

ISBN 978-5-519-84498-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНІЕ.

Въ разсказахъ Глинки (композитора) занесенъ слѣдующій фактъ. Однажды, покойный литераторъ Кукольникъ, безъ приготовленій, «необыкновенно ясно и дѣльно» изложилъ передъ Глинкой исторію Литвы, и когда послѣдній, не подозрѣвая за авторомъ «Торквато Тассо» столь разнообразныхъ познаній, выразилъ свое удивленіе по этому поводу, то Кукольникъ отвѣчалъ: «прикажутъ—завтра же буду акушеромъ».

Отвѣтъ этотъ драгоцѣненъ, ибо даетъ мѣду талантливости русскаго человѣка. Но онъ еще болѣе драгоцѣненъ въ томъ смыслѣ, что раскрываетъ нѣкоторую тайну, свидѣтельствующую, что упомянутая выше талантливость находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ «приказанія». Ежели мы не изобрѣли пороха то, это значить, что намъ не было то приказано; ежели мы не опередили Европу на поприщѣ общественнаго и политическаго устройства, то это означаетъ, что и по сему предмету никакихъ распоряженій не послѣдовало. Мы не виноваты. Прикажутъ—и Россія завтра же покроется школами и университетами; прикажутъ—и просвѣщеніе, вмѣсто школъ, сосредоточится въ полицейскихъ управленіяхъ. Куда угодно, когда угодно и все что угодно. Литераторы ждутъ манія, чтобъ сдѣлаться акушерами; повивальныя бабки стоятъ во всеоружіи, чтобъ по первому знаку положить начало родовспомогательной литературѣ. Все на чеку, все готово устремиться куда глаза глядятъ.

Повидимому, такая всеобщая готовность должна бы произвести въ обществѣ суматоху и толкотню. Однакожь, ничего подобнаго не усматривается. Вездѣ порядки, вездѣ твердое сознаніе, что толкаться не велѣно. Но прикажите—и мы изумимъ міръ дерзостными поступками.

Увѣренность въ нашей талантливости такъ велика, что для насъ не полагается даже никакой профессиональной подготовки. Всякая профессія доступна намъ, ибо ко всякой профессіи мы отъ рожденія вкусъ получили. Свобода отъ наукъ нетолько не мѣшаетъ, но служить рекомендаціей, потому что сообщаетъ человѣку букетъ «свѣжести». «Свѣжестъ», въ свою очередь, даетъ талантливости характеръ неудержимой и не передъ чѣмъ не останавливающейся похотливости. Человѣкъ, постоянно готовый и постоянно вожделѣющій—это своего рода нерушимая стѣна. Это развязанный малый, передъ которымъ всякая специальность немедленно сдается на капитуляцію. Назовите рядомъ съ «свѣжимъ» человѣкомъ какого-нибудь «умника», — и всякій сразу пойметъ, сколько горечи и презрѣнія слышится въ этомъ послѣднемъ названіи. «Умникъ!»—вѣдь это засоренная голова! это человѣкъ, изнемогающій подъ бременемъ собственнаго безсилія! это опасный мечтатель, способный только разрушать, а не созидать!

А мы именно хотимъ только созидать, и потому блюдемъ нашу «свѣжестъ» паче зѣницы ока. Мы твердо помимъ, что отъ насъ ожидается какое-то «новое слово», а для того, чтобъ оно сказалось, мы не полагаемъ никакихъ другихъ условій, кромѣ чистоты сердца и не вполнѣ поврежденнаго ума. Это условіе потому хорошо, что оно общедоступно, а сверхъ того, благодаря ему, всѣ профессіи дѣлаются безразличными. Человѣкъ, видѣвшій въ шкафу сводъ законовъ, считаетъ себя юристомъ; человѣкъ, изучившій форму кредитныхъ билетовъ, называетъ себя финансистомъ; человѣкъ, усмотрѣвшій нагую женщину, изъясляетъ желаніе быть акушеромъ. Все это люди, необремененные

знаніями, которые въ «свѣжести» почерпнуть рѣшимость для исполненія какихъ угодно приказаній, а въ практикѣ отыщутъ и средства для ихъ осуществленія.

Практика—это тоже своего рода божество, которое выведетъ ихъ изъ умственного оцѣпененія и дастъ смыслъ ихъ невнятному бормотанію. Тамъ, въ этой насыщенной азбучными испареніями атмосферѣ, среди недомолвокъ, справокъ, противорѣчій и колебаній, они, кроха по крохѣ, соберутъ себѣ сокровище гораздо болѣе прочное, нежели то, которое могла бы дать наука. Тамъ, на бокахъ Петровъ и Ивановъ, юристъ уяснить себѣ понятіе о мѣрѣ наказаній; тамъ, финансистъ во очію убѣдится, что кредитные билеты сами хорошо знаютъ карманы, въ которыхъ имъ быть надлежитъ. И не утратятъ они при этомъ ни единой капли «свѣжести», ибо при концѣ профессиональнаго поприща пребудутъ столь же свободны отъ наукъ, какъ и при началѣ онаго.

И надо сказать правду, еще очень недалеко то время, когда вѣра въ силу прирожденной талантливости дѣйствительно дѣлала чудеса. Приходилъ человѣкъ совершенно свѣжій и начиналъ орудовать. Писалъ законы, устанавливалъ порядки, и даже доводилъ «ввѣренную» часть до идеальнаго совершенства. Не только подчиненные, но люди совсѣмъ посторонніе—и тѣ говорили: «да, этотъ человѣкъ не то, что X или Z. Этотъ человѣкъ *подтянетъ!*» Гдѣ тайна этого волшебства? Очевидно, ее слѣдуетъ искать или въ неизрѣченной наглости «свѣжихъ людей», или же въ томъ, что самыя «ввѣренныя» части столь уже просты, что разступаются даже передъ людьми, совсѣмъ неповрежденными науками.

Первое предположеніе, очевидно, не выдерживаетъ никакой критики. Наглость, выступающая впередъ только по приказанію—вещь, конечно, очень любопытная, но не настолько естественная, чтобы служить объясненіемъ для жизненныхъ явленій. Гораздо правильнѣе остановиться на

простотѣ «вѣреннѣхъ частей», тѣмъ больше, что здѣсь приходится къ намъ на помощь и практика съ своими истинно поразительными подтвержденіями.

Одинъ знатный иностранецъ, посѣщавшій Россію во времена Петра Великаго (представляю любителямъ отечественной старины догадаться, кто этотъ путешественникъ), рассказываетъ слѣдующее: «Несмотря на совершенныя симъ государемъ преобразованія, процессъ, посредствомъ коего управляется здѣшній народъ, столь простъ, что не требуетъ со стороны администратора ни высокаго ума, ни познаній. Я, по крайней мѣрѣ, лично зналъ одного намѣстника, который былъ до такой степени простодушень, что однажды, по недоразумѣнію, откусилъ свой собственный палець, но и за всѣмъ тѣмъ оказывался вполне удовлетворительнымъ для выполненія тѣхъ задачъ, которыя ему предстояли. Каждый день передъ нимъ клали извѣстную порцію бумагъ, и ежели эта порція случайно уменьшалась, то онъ примѣтно начиналъ беспокоиться, упрекать подчиненныхъ въ нерадѣніи, и требовалъ усугубленія рвенія. Съ теченіемъ времени, онъ до того вошелъ въ свою роль, что сдѣлался даже прихотливымъ. Замѣтилъ, что ему подаютъ только коротенькія бумаги и сталъ требовать длинныхъ; потомъ и симъ не удовлетворился, но велѣлъ сочинить статистику, которую, по изготовленіи, подписалъ и отправилъ. Такимъ образомъ, съ помощью одного очень простаго пріема, называемаго, по здѣшнему, *подтягиваніемъ*, этотъ плохой и даже глупый человѣкъ прожилъ нѣсколько лѣтъ и умеръ въ званіи намѣстника естественною смертію».

Повѣрить этому разсказу очень возможно. Всякій изъ насъ зналъ на своемъ вѣку и неутомимыхъ статистиковъ, и пребодрыхъ финансистовъ, которые ничего не имѣли за душою, кромѣ чистаго сердца и не вполне поврежденнаго ума — и за всѣмъ тѣмъ дѣйствовали. Какимъ образомъ могли дѣйствовать эти чистосердечные люди? Какимъ образомъ могло случиться, что только естественная смерть освобож-

дала ихъ отъ тягостей лежавшаго на нихъ бремени? Что означаетъ этотъ фактъ?

По моему мнѣнію, онъ можетъ означать одно: простоту задачъ. Очень долгое время область профессій представляла у насъ сферу совершенно отвлеченную, основу которой составляли не люди, а тѣни. Х. взывалъ объ удовлетвореніи, но въ глазахъ людей профессіи онъ не существовалъ, какъ живое лицо, а существовало лишь «дѣло объ Х., ищущемъ удовлетворенія». Z. томился въ тюрьмѣ, но и онъ, какъ живое лицо, былъ не извѣстенъ, а извѣстно было только «дѣло объ Z., томящемся въ тюрьмѣ». Рѣчь шла не объ дѣйствительной участи людей, а о рѣшеніи уравненій съ однимъ или нѣсколькими неизвѣстными. Но когда живые люди постепенно доводятся до состоянія тѣней, то они и сами начинаютъ сознать себя тѣнями, и въ этомъ качествѣ дѣлаются вполне равнодушны къ тому, какія рѣшаются объ нихъ уравненія и какія пишутся статистики. Вотъ тутъ-то и настигаютъ ихъ «свѣжіе» люди. Сначала они совѣстятся и довольствуются только простыми уравненіями; потомъ дѣлаются дерзкими и начинаютъ требовать статистикъ. Какіе плоды приносить ихъ подтягивательная дѣятельность—они не знаютъ, да и знать, по правдѣ, не нужно, потому что, навѣрное, она никакихъ плодовъ не принесетъ. «Все равно, братцы, помирать!» говорятъ люди, и дѣйствительно начинаютъ помирать, какъ будто и невѣсть какое мудрое дѣло дѣлають.

И что всего удивительнѣе, эта «свѣжесть» допускалась не только въ области дѣятельности спекулятивной, но и въ области ремесль, гдѣ, повидимому, прежде всего требуется, если не искусство, то навыкъ. И тутъ, люди, по приказанію, дѣлались и портными, и сапожниками, и музыкантами. Почему дѣлались? — а потому, очевидно, что требовались только *простые* сапоги, *простое* платье, *простая* музыка, то-есть такія именно вещи, для выполненія которыхъ совершенно достаточно двухъ элементовъ: приказанія и готовно-

сти. Кукольникъ зналъ, что говорилъ, когда вызывался хоть сейчасъ быть акушеромъ. Онъ понималъ, что тутъ предстоитъ акушерство самое упрощенное, или, лучше сказать, не столько акушерство, сколько выраженіе готовности.

Такимъ образомъ, оказывается, что какъ ни велика наша талантливость, все-таки она можетъ считаться дѣйствительною лишь до тѣхъ поръ, пока существуетъ безпредметность профессій, или, говоря другими словами, покуда можно всѣ сапоги шить на одну ногу. Какъ скоро давальцы начнутъ требовать сапоговъ, шитыхъ по мѣркѣ, никакія приказанія не помогутъ нашей готовности. Еще Петръ Великій изволилъ приказать намъ быть европейцами, а мы только въ недавнее время попытались примѣрить на себя заправское европейское платье, да и тутъ все раздумываемъ: не рано ли? да впору ли будетъ? — Какъ хотите, а горше этой формулы самоуничиженія даже выдумать трудно.

Отъ чего же мы отбодряемся? что защищаемъ? Очевидно, мы защищаемъ то выморочное пространство, которое, послѣ приказанія Петра Великаго: быть всѣмъ россиянамъ европейцами—такъ и осталось ненаполненнымъ. Нѣтъ у насъ ничего, кромѣ пресловутой талантливости, то-есть пустого мѣста, на которомъ могутъ произростать и пшеница и чертополохъ. Но именно это-то пустое мѣсто и дорого намъ. Раскольники, современные Петру—и тѣ лучше были, ибо говорили: мы хотимъ пахнуть по своему. Мы же ничего не говоримъ, а просто на просто съ пустомъ въ пусто леземъ. И выходитъ, что мы тоже пахнемъ, только пахнемъ нежилымъ мѣстомъ...

И вотъ, недалеко отъ насъ глухая стѣна. Сапожникъ начинаетъ смутно понимать, что сколько есть на свѣтѣ ногъ, столько же должно быть и сапоговъ; администраторъ, судья, финансистъ догадываются, что сзади ихъ профессій есть нѣчто, что движется и заявляетъ о своей конкретности, что требуетъ, чтобъ къ нему, а не его примѣривали. Въ хаосѣ безразличія, въ которомъ еще такъ недавно виталъ нѣкто-

рый самъ себѣ довлѣющій духъ, начинаютъ выясняться отдѣльные образы, которые съ изумленіемъ смотрятъ на стѣну, воздвигнутую вѣковою русскою готовностію. И вспоминается имъ многострадальная исторія этой готовности. Вспоминается, какъ они, бѣя себя въ перси, на цѣлый міръ возглашали: мы люди сѣрые, привычныя! насъ хоть на куски рѣжь, хоть огнемъ пали, мы на все готовы! Вспоминается, какъ они суетились, разоряли, громили, жгли — и все это безъ ненависти, безъ злобы, даже безъ мысли, единственно ради похотливаго желанія доказать, сколь талантливъ можетъ быть человѣкъ, когда знаетъ, что его за эту талантливость не подвергнуть тѣлесному наказанію. «Многое мы совершили, многое претерпѣли—говорятъ они—а въ результатѣ все-таки стѣна — и ничего болѣе!»

Эта стѣна, однакожъ, не съ неба свалилась и не изъ земли выросла. Мы имѣли свою интеллигенцію, но она заявляла лишь о готовности слѣдовать приказаніямъ. Мы имѣли такъ называемую меньшую братію, но и она тоже заявляла о готовности слѣдовать приказаніямъ. Никто не предвидѣлъ, что наступитъ моментъ, когда каждому придется жить за собственный счетъ. И когда этотъ моментъ наступилъ, никто не вѣрнулъ глазамъ своимъ; всякій ошупываетъ себя, словно съ перепоя, и не находя ничего въ запасѣ, кромѣ талантливости, кричитъ: «измѣна! бунтъ!»

Есть три способа избавиться отъ глухой стѣны. Первый заключается въ томъ, чтобы признать прихотливыми всѣ требованія жизни, которыя почему нибудь намъ не по нутру. Это задача очень трудная (едва ли можно отыскать человѣка, который далъ бы увѣрить себя, что ощущаемыя имъ потребности прихотливы), но еслибъ даже мы рѣшились поддерживать ее, то и тутъ необходимо прежде всего понимать, въ чемъ заключаются приводящія въ затрудненіе потребности, откуда онѣ пришли, и почему могутъ быть сочтены прихотливыми. Однимъ словомъ, необходимы умъ и знаніе. Другой способъ (тоже не весьма надежный) заключается въ томъ,

чтобъ увѣрить общество, что положеніе у глухой стѣны есть самое выгодное для него положеніе. Этотъ тезисъ еще труднѣе, но и его защитить не невозможно, если есть знаніе объекта бесѣды и подготовленность къ принятію возраженій. Опять таки знаніе и умъ. Наконецъ, третій способъ представляется въ откровенномъ признаніи законности вновь народившихся потребностей и въ приисканіи для нихъ правильного исхода. Этотъ способъ самый надежный, но тутъ уже просто на просто требуется ума палата.

Какой бы изъ этихъ трехъ путей ни былъ избранъ, во всякомъ случаѣ, талантливость играетъ здѣсь роль далеко не первостепенную. Ни предложить что нибудь прочное, ни даже помочь обмануть — ничего она собственною силою не можетъ. Вездѣ на первомъ планѣ требуется знаніе, примѣръ, навыкъ. Они одни могутъ дать содержаніе талантливости, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже обуздать ея стремительность. Человѣкъ, который на одной талантливости созидаетъ зданіе своего будущаго благополучія — это человѣкъ, у котораго есть пламенное сердце, но въ этомъ сердцѣ нѣтъ ничего, кромѣ погадки готовности. Съ этой погадкой ему предстоитъ одно изъ двухъ: или удивить міръ продерзостью, или наполнить вселенную зловоніемъ. Повидимому это очень большой рискъ. Но мы убѣдимся, что тутъ даже риска никакого нѣтъ, если примемъ въ соображеніе, что сневѣжничать во всякомъ случаѣ легче, нежели совершить подвигъ. А талантливость именно тѣмъ и отличается, что всегда имѣетъ въ виду дѣла самыя блестящія, то-есть самыя легкія. Божку съѣсть, вавилонскую башню проектировать — вотъ задачи, которыя ей льстятъ, на которыя она обращаетъ всю свою похотливость. И посмотрите, съ какою легкостью выступаютъ эти люди впередъ! Какъ они заранѣе трубятъ о побѣдѣ, какъ клянутся голыми руками потушить пылающій костеръ!

И чѣмъ больше предвкушеніе торжества, тѣмъ больше малодушія, ненависти и подозрительности при первомъ не-

успѣхѣ. Эта послѣдняя черта очень опасна, потому что почва бунтовъ и измѣны, на которую вступаетъ потерпѣвшая неудачу талантливость, есть единственная доступная ей уровню. Ни измѣна, ни бунты, по нашему извѣчному обычаю, не требуютъ опредѣленій. Оба эти слова для каждаго ясны сами по себѣ, то-есть ясны именно въ томъ смыслѣ, какой тотъ или другой талантливый субъектъ желаетъ имъ сообщить. Съ произнесеніемъ краткаго и въ то же время совершенно неопредѣленнаго звука пріобрѣтается и исходный пунктъ, и матеріалъ для наполненія всей послѣдующей карьеры. Затѣмъ уже слѣдуютъ обузданія...

А что же, кромѣ обузданій, произвела на свѣтъ наша талантливость за все время ея вѣковаго и при томъ вполнѣ безпрепятственнаго существованія?

Представьте себѣ такой случай: директоръ департамента призываетъ къ себѣ столоначальника, и говоритъ ему: «Любезный другъ! я желалъ бы, чтобъ вы открыли Америку».

Я не берусь утверждать, чтобъ столоначальникъ осмѣлился возразить, но онъ все-таки пойметъ, что открытіе Америки совсѣмъ не его ума дѣло. Поэтому, всего вѣроятнѣе, онъ поступитъ такъ: разошлетъ во всѣ мѣста запросы, и затѣмъ постарается кончить это дѣло изморомъ.

Но пускай тотъ же директоръ тому же столоначальнику скажетъ: «Любезный другъ! я желалъ бы, чтобъ вы всѣхъ этихъ Колумбовъ привели къ одному знаменателю!»

Вы не успѣете оглянуться, какъ Колумбы подлинно будутъ обузданы, а Америка такъ и останется неоткрытою.

Митрофаны не измѣнились. Какъ и во времена Фонъ-Визина, они не хотятъ знать ариѳметики, потому что приходъ и расходъ сосчитаетъ за нихъ прикащикъ; они презираютъ географію, потому что кучеръ довезетъ ихъ куда будетъ приказано; они небрегутъ исторіей, потому что старая нянька всякія исторіи на сонъ грядущій разскажетъ. Одно

право они упорно отстаивают — это право обуздывать, право свободно простирает руками вперед.

Митрофанъ на все способенъ, потому что на все готовъ.

Онъ специалистъ по части гражданского судопроизводства, потому что занималъ деньги и не отдавалъ оныхъ.

Онъ специалистъ по части уголовного судопроизводства, потому что давалъ затрещины и получалъ оныя.

Онъ специалистъ по части администраціи, потому что знаетъ такіа ругательства, которыя могутъ въ одно мгновение опалить человѣка.

Онъ специалистъ по части финансовъ, потому что всѣ трактиры были свидѣтелями его финансовыхъ операцій.

Онъ медикъ, потому что страдалъ секретными болѣзнями.

Онъ акушеръ, потому что видалъ нагихъ женщинъ.

Всѣ профессіи онъ изучилъ на своихъ собственныхъ бокахъ съ такой основательностію, что даже получилъ названіе «выжига». «Выжига» — это совсѣмъ не ругательный, а скорѣе дѣловой терминъ, означающій мужа совѣта. «Ужь коли этакая «выжига» не поможетъ», говорятъ вамъ, указывая на X. или Z. «то дѣло твое пропащее». Вы обращаетесь къ «выжигѣ», и, къ изумленію вашему, онъ дѣйствительно помогаетъ вамъ. Это до того удивительно, что вамъ непремѣнно приходитъ на мысль, что и этотъ выжига, и средства, которыя онъ употребляетъ, и ваше дѣло, и вы сами — все это, взятое вмѣстѣ, не стоитъ ломанаго гроша. Все это какой-то уродливый миражъ, способный поселить въ душѣ не то отчаяніе, не то презрѣніе ко всему: къ жизни, къ себѣ самому...

Дайте «выжигѣ» рубль серебра, онъ заложитъ душу чорту; дайте пять рублей — онъ самъ сдѣлается чортомъ. Ему и это сдѣлать легко, потому что онъ одинъ въ цѣломъ мірѣ знаетъ, гдѣ найти чорта и что у него попросить.

Это ходячій кошмаръ, который прокрадывается во всѣ закоулки жизни и умѣетъ до такой степени прочно внѣ-